

РАЗВЕДЧИКИ
ОСТАЮТСЯ
БЕЗЪЯНЫМИ

То, о чем здесь рассказывается, относится к далекому прошлому — 1921—23 годам.

Еще не окрепла молодая Советская республика, еще не встала надежно на ноги, а со всех сторон атаковали ее внешние и внутренние враги, стремясь свалить, растоптать, уничтожить государство рабочих и крестьян.

Ареной непримиримой борьбы стала и Карачаево-Черкесия. Многие жители области, наверное, и не подозревают, что улицы станиц, аулов и городов — столь знакомые им улицы! — были в свое время свидетелями героических и драматических событий, передним краем порой незримого фронта. Здесь день за днем, ночь за ночью первые чекисты Карачаево-Черкесии воевали с белобандитами, предателями, контрреволюционерами.

Несколько новелл, связанных между собой одной темой, темой самоотверженной борьбы молодых советских контрразведчиков с явными и скрытыми врагами революции, мы предлагаем читателям нашего журнала.

В один из осенних дней 1921 года станица Баталпашинская, уже привыкшая к беспорядочным перестрелкам на пыльных улицах, к топоту копыт казачьих рысаков, была взбуждена новым событием.

Первыми за ворота высыпали босоногие пацаны, за ними осторожно потянулись женщины. А вскоре над оградами появились и головы мужиков, не рискнувших покинуть пределы двора.

В Баталпашинскую под звуки оркестра вступала 6-я Чонгарская кавалерийская дивизия Первой Конной армии Буденного.

Начальник дивизионной ЧК Подсоцкий направил коня к собору. Остановился, достал кيسет. Полезли за кисетом и его спутники. Неторопливо сворачивали самокрутки. Молчание нарушил Подсоцкий:

— Ну что ж, с прибытием, товарищи! — и всем корпусом повернулся к соседу: — Как впечатление, Костя?

Котов* устало глянул вдоль улицы, щелчком отбросил сигарку и ответил полусуто, полусерьезно:

— Станный у меня, знаете, характер. Не доверяю впечатлениям.

Подсоцкий улыбнулся:

— Поза, Костя, поза. Это от молодости. — И добавил задумчиво: — А может, и прав ты...

Он и сам был молод, как, впрочем, и все его товарищи, но в свои двадцать восемь мог с полным основанием считать себя старым чекистом.

Подсоцкий не любил рассказывать о проведенных им операциях, стремительных и безукоризненно выполненных, однако в обстоятельных советах, которые он давал подчиненным вместе с заданием, чувствовались опыт и чутье разведчика, умеющего предвидеть, предугадать поступки и действия врага.

* Ныне житель г. Черкесска, персональный пенсионер

ГОСТИ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ АГНИИ

Обитатели маленького домика собирались по утрам с воспаленными глазами. Торопливо отхлебывали из кружек крутой кипяток, делились последними новостями. Оказывается, короткая и вроде бы тихая ночь была тревожной. Кто-то застрелил на посту часового. В третьем эскадроне неизвестные пытались угнать коней. На дороге в Усть-Джегутинскую обнаружен труп красноармейца...

Потом все расходились по кабинетам и конвоиры вводили туда арестованных. Были взяты под стражу бывший атаман станицы Максим Ренсков и регент церковного хора Николай Иваненко, кулак Прокофий Пономарев и крупный скототорговец Филипп Бородкин. Каждый из них держался степенно, снисходительно поглядывал то на Котова, то на Алексея Самсонова, ведущих следствие: «Эх, мол, молодо-зелено!». И каждый вроде бы не слышал вопроса:

— Кто строил виселицу?

Только регент обидчиво поджимал губы:

— Побойтесь бога! Я — христианин...

А свидетели показывали: эти четверо врывались в дома «иногородних», зверски избивали их и волокли к виселице, сооруженной напротив собора. Эти четверо растаскивали имущество замученных людей.

К чекистам шли и шли люди. Дежурный то и дело выкрикивал:

— Самсонов! К тебе...

— Пименов! На выход!

— Татаренко, принимай!

Приходили и уходили. Пришел сюда и оборванный мужичишка, тотчас притиснутый посетителями к стенке. Он нерешительно теребил облезлую шапку, вздыхал и простуженно шмыгал носом. Его толкали, его шпыняли локтями продирающиеся к столу дежурного бойкие бабы, и он поспешно сторонился, приговаривая: «Ишь ты, столпотворение... Ишь ты, беда какая».

Комната постепенно освободилась. Заглянул в нее Подсоцкий. Дежурный облегченно потянулся, закинув руки за

голову, хотел было зевнуть, но тут увидел мужичка:

— Чего там у тебя? Выкладывай, старина.

Мужичишка как-то бочком подкатил к столу.

— Митяй я... божий человек. Писульку бы мне, чтоб злодеи собаками не травили...

— А мы, отец, писулек не даем.

— Не даете? — старик прижал шапку к груди и попятился к двери, часто-часто кланяясь дежурному. — Ишь ты, беда какая...

Спускаясь с крыльца, он сокрушенно вздыхал и покачивал головой. Дежурный наблюдал за ним в окно: мужичишка, повернувшись к собору, усердно перекрестился, надвинул шапку и не спеша заковылял куда-то.

Виден был «божий человек» и Подсоцкому. Провожая взглядом согнутую фигуру старика, Подсоцкий думал: пройдут годы и годы, прежде чем кто-нибудь узнает (если вообще узнает), что Митяй вовсе не Митяй, что есть у этого человека другое имя, что он, набожно осеняющий себя крестным знаменем, не верит ни в бога, ни в черта. Что, наконец, истопник тебердинского женского монастыря был до того шарманщиком и нищим, бродячим клоуном и кладбищенским сторожем...

Разведчики зачастую остаются безымянными...

— Пойду-ка я прогуляюсь, — сказал Подсоцкий. — Понадоблюсь кому, пусть подождут. Скоро вернусь.

Возвратясь, Подсоцкий собрал сотрудников особого отдела. Как обычно, он был краток:

— Всем быть готовыми к выезду. Цель операции...

Их сопровождал кавалерийский полк. Подсоцкий вел людей к монастырю. Спешившись, бойцы скрытно и бесшумно окружили его. И когда на рассвете привратница открыла на стук калитку, то увидела лишь пожилую женщину, закутанную в шаль, да немолодого мужчину, бережно поддерживавшего спутницу под локоть.

— Нам бы матушку Агнию.

— Рановато, милые. Почивает,

небось, матушка. А зачем понадобилась-то? — полюбопытствовала привратница.

Женщина в шали молчала. Ответил мужчина:

— Родительница наша богу душу отдает. Наследством хочет распорядиться. В пользу монастыря, значица...

Захлопнув калитку, привратница ушла. Потом опять загремели ключи.

— Я провожу вас...

Решетчатые окна пропускали тусклый свет. Едва пришельцы остались наедине с настоятельницей, женщина сняла шаль. Теперь в келье было двое мужчин и одна женщина — матушка Агния.

— Что за маскарад? — нахмурилась хозяйка. — Что вам угодно?

Она старалась казаться спокойной и, пожалуй, строгой, но ни нарочитое равнодушие в голосе, ни брови, сердито сдвинутые к переносице, не скрыли ее волнение: лицо, обрамленное черным платком, было бледным.

— Есть в монастыре посторонние?

— В монастыре всегда есть посторонние, — уклончиво ответила настоятельница. — Мы принимаем многих. Всех, кто сердцем стремится к всевышнему... Надеюсь, другие заботы привели вас сюда? Но в монастырь входят лишь те, кто ищет общения с богом.

Настоятельница отвернулась, дав понять, что разговор окончен.

— Постойте, — задержал ее Подсоцкий, по-прежнему держа шаль на плечах, — вы угадали. Нас привели другие заботы. Заботы чека.

Монахиня выпрямилась и отреченно смотрела куда-то поверх головы Подсонкого. Казалось, она просто оттягивает время. Вот женщина виновато оглянулась, будто ища кого-то. Вот нервно тронула четки. Вот понуро опустила голову и пробормотала неуверенно:

— В монастыре — девушки, и вдруг в их кельях — солдаты... Солдаты — народ грубый... Вы поймите меня... Впрочем, если вы настаиваете...

Предварительно извинившись, Подсоцкий запер Агнию в ее келье. Затем, окруженный помощниками, деловито пересек неширокий дворик монастыря, на

ходу отдавая распоряжения: «Гатаренко и Пименов — в трапезную, дверь вон там, за углом. Самсонов осмотрит спальни. Овчинников — в молельню...»

Поразившись тому, что Подсоцкий, ни разу не бывавший здесь, отлично знает расположение служб, Овчинников шагнул в полутемную комнату и мгновенно отпрянул назад — там, в глубине, выжидательно подались навстречу двое. И, ей-ей, это были не монашенки. Мысленно ругнув себя за беспечность («Черт возьми, могли и ухлопать!»), чувствуя, как вскипает на лбу испарина, Овчинников неожиданно для себя выпалил сконфуженно:

— Ээ... доброе утро... пожалуйста, проходите... Будем знакомы...

Наверное, его тон огорошил, потому что из комнаты донеслось растерянное:

— Очень приятно. Кандидат естественных наук Ламзаки.

И — вялое, без малейшего намека на восторг:

— Баженов, судебный следователь второго участка Кавказского отдела.

Овчинников едва удержался от смеха, представив комизм этой встречи. Позже он признался, что вел себя как мальчишка. Но в тот момент озорство взяло верх, и Овчинников, располагаяще улыбаясь, осведомился почти ласково, с корректным полупоклоном:

— Простите, оружие есть?

— Помилуйте, — испуганно отмахнулся кандидат, — какое оружие! Что вы, что вы!..

На крохотной монастырской площади Самсонов пересчитывал «гостей» настоятельницы Агнии: «...девяносто, девяносто один, девяносто два... девяносто четыре...» Гости жались друг к другу, поникшие и жалкие, и Овчинников думал: «До чего же убого выглядят!» Он вспомнил сведения, полученные Подсоцкий: «А небось, пыжились, не подступись. Как же, — графы да князья, да превосходительства».

Меж тем кавалеристы загружали тридцать восемь подвод скарбом арестованных. На телеги укладывались набитые драгоценностями кофры, старательно завернутые в полотно слитки золота, затянутые в рогожи картины

старинных мастеров, скульптуры. А поверх всего этого — шубы, сабли, револьверы.

На следующий день представительство ЧК по Северному Кавказу в Ростове получило шифрованную телеграмму из Баталпашинской: «Задержана группа видных папских сановников и офицеров. Среди них несколько ученых (назывались фамилии). Собирались через перевал уйти в Грузию, а затем — за границу».

Вскоре поступила ответная телеграмма: предлагалось некоторых гостей настоятельницы Агнии срочно доставить в Москву. Их давно разыскивали органы ВЧК.

НЕЛЕГКОЕ ЗАДАНИЕ

Однажды Митяя встретил на улице Баталпашинской все тот же дежурный. Узнал его и подмигнул. Митяй отступил, погрозил укоризненно пальцем:

— Не замай блаженного, господин-товарищ. Грех, большой грех блаженного обижать.

Впрочем, после того, как 6-я Чонгарская дивизия, а с нею и Подсоцкий, ушла в Белоруссию, он больше не появлялся. В Баталпашинской создали областной отдел чека. Шел 1922-й год.

Он не принес спокойствия. Он прибавил работы. Прячущиеся по ущельям и балкам мелкие группы белогвардейцев совершали ночные налеты на хутора и затем исчезали в лесах. Спускались с гор банды Умара Шаова и Маджира Ногаева, Комаза Джеммакулова и других. Стреляли в коммунистов и сжигали первые клубы, угоняли скот и отнимали зерно. Но теперь уже чекисты были не одни.

«Горская правда» 3 декабря 1921 года писала:

«По словам местных жителей, шайка известного бандита Логинова, оперировавшая в районе Карачаевского округа и Баталпашинского отдела, перекочевала в Майкопский отдел. Причина—крайнее озлобление населения против бандитов. Население в последнее время стало давать бандитам организованный отпор, вследствие чего банды сильно потрепались и понесли большие потери».

И все-таки налеты продолжались.

Особенно зверствовала банда есаула Горленко. Неуловимая, она носилась между станицами подобно вихрю, и всякий раз кровавые следы ее уходили в степь и обрывались там. Горленко ненавидело все население, а он лихо сплевывал сквозь зубы:

— Ни хрена... Пусть поплачут, а то, гляди-ка, Кубань чтой-то мелеет,— и рябое лицо его веселело.

Есаул был храбр и нагл, жесток и недоверчив. Чекисты пытались заслать к нему своего человека, но на следующий день его нашли изрубленным на куски. Начали изучать повадки и привычки есаула, но Горленко, зная об охоте за ним, поступал вопреки всему. А число его жертв росло и росло.

Петр Дрозд, которому поручили вести дело бандита, стучал кулаком по столу:

— Все равно у меня не уйдет!

Губы Петра дрожали от обиды, когда поступало очередное сообщение о зверствах Горленко.

— Понимаешь, Костя,— говорил он Котову,— места себе не нахожу от стыда: ну какой же я чекист, если этого есаула поймать не могу? В печенке он у меня сидит, понимаешь?!

От зари до зари мотался Петр Дрозд по степи, лишь для краткого сна покидал седло. Безуспешно — атаман избегал прямых встреч. Но Петр продолжал затянувшуюся погоню, о которой — он не сомневался — был прекрасно осведомлен рябой бандит.

Впрочем, Дрозд и не скрывал, что стремится нагнать Горленко. Наоборот, даже афишировал преследование, и многим его поведение казалось наивным, неумелым, в конце концов, странным. А для товарищей по работе оно было понятным: чекист использовал отвлекающий маневр.

И руководитель областного чека, и все его подчиненные, хотя каждый не знал и минуты отдыха под грузом собственных забот, с нарастающим вниманием следили за несложной, но в общем-то нелегкой игрой, названной Петром наглядным уроком психологии. Втянутый в нее есаул, походил на ослепленного и удирающего зайца. Вольно или невольно он привык к мысли: опасность только за спиной. Значит, дай бог

ноги!

Между тем помощники Петра слонялись по базару, выстаивали в очередях на вокзале, клали земные поклоны перед церковными иконами. Они подолгу выбирали покупки в продовольственных и хозяйственных лавках, по три раза на день чистили рваные сапоги у словоохотливых от скуки сапожников и слушали, слушали, слушали... Глядели в оба.

Как-то осенним вечером начальник Карачаево-Черкесской чека Сергей Иванович Иванов пригласил в кабинет личный состав отдела. Там же находился командир 55-го кавалерийского дивизиона, квартировавшего в Баталпашинской. По довольному лицу загадочно улыбавшегося Петра товарищи догадались: вызов связан именно с Дроздом. Дрозд, перехватывая их взгляды, не удержался, — подмигивал и откровенно сиял.

— Докладывайте, — сказал ему Иванов.

— Передаю дословно донесение одного из моих помощников, — начал Петр. — «Решил я, на всякий случай, прощупать самогонщиков, — начал Петр. — Потасился на Покровку, поскольку твердо знаю, что там ихнее самое гнездо. Для отвода глаз, признаюсь, пришлось перепробовать у нескольких по стакану первача. И так как, конечно, это едва не выбило меня из колеи, ушел я на первый раз несолоно хлебавши.

А нынче испытал самогон у старика, который ткнул мне кружку, говоря: «Пей да бери, не кочевряжась. Люди, не тебе — оборванцу — чета, берут. Для гостей берут, не для себя». «Может, и для гостей», — замечаю ему. Старик, стало быть, хмыкнул и отвечает: «Мол, такой гость, как у Верки Зеленской, не каждому сподобится: хоть рябой, да удалой, любого за пояс заткнет. А Верка-то утресь жбан первача взяла...»

Дрозд сел. Теперь обсуждали детали предстоящей операции: выставить засаду, за полночь вместе с бойцами 55-го дивизиона окружить дом Зеленской, предложить Горленко сдать. В случае отказа действовать по обстановке.

Времени на подготовку оставалось в обрез. Сергей Иванович прошелся по комнатам. Люди в тишине чистили оружие,

укладывали патроны. Сосредоточенно, тщательно. И он подумал: задание у них нелегкое, никто не даст гарантию, что все вернется обратно — вряд ли есаул рассчитывает на милость.

Засаду Иванов провожал самолично, обстоятельно инструктировал связных. Вскоре опустели, точно вымерли улицы Баталпашинской и, если бы не редкие полоски неяркого света, пробивавшегося сквозь наглухо закрытые ставни, впечатление было бы полным: жизнь покинула станицу.

В доме Зеленской есаул Горленко и сотник Хащина под дребезжание граммофона пили первач. И хотя старик самогонщик называл есаула гостем, Горленко чувствовал себя здесь хозяином. Он разливал из пузатого графинчика мутноватую жидкость, небрежным жестом придвигал сотнику тарелку с крупно нарезанными кусками свинины, подкладывал горячую яичницу и успевал подмигивать двум женщинам.

— Соскучились, крали?

Горленко гулял. Залпом глотал самогон, но оставался трезвым. И едва в окно постучали — схватил револьвер, рванулся в сени. Опоздал! Из черного проема распахнутой двери громыхнул выстрел, и есаула вдруг согнуло. Падая головой на затоптанный пол, он вспомнил, что забыл задвинуть засов, что...

Больше он ничего не успел вспомнить. Хащина, извлеченный из-под кровати, споткнулся было в темноте о труп, отпрянул и затем перешагнул его.

Над Покровкой дрожали льдинки-звезды. Отовсюду разносился собачий лай. Процокали копыта.

Петр Дрозд выполнил свое обещание.

ПОСЛАНЕЦ ГЕНЕРАЛА ГЕЙМАНА

Часовые регулярно вводили в кабинет Иванова некоего Бек-Бекевича — просто одетого, но любящего возвышенно пофилософствовать. Он не скрывал, что да, был за границей, был эмигрантом, однако сердце стосковалось по родине, и вот сейчас

он имеет счастье по два раза в день беседовать с дорогим товарищем следователем. На одной из бесед был и Котов.

— Вы не думайте, пожалуйста,— просил Бек-Бекович,— что арест меня огорчает.

Напротив, я рад — я в необычной обстановке познаю Россию. Как все изменилось! — патетически восклицал он, и издевка проскальзывала в интонации.— Вы, например,— Бек-Бекович повернулся к Котову,— от сохи — и сразу следователь, и никаких университетов не нужно оканчивать.

Чекисты не мешали Бек-Бековичу разглагольствовать. Больше того, они не слушали разглагольствования.

Котов — тот был мыслями в далеком вечере, затененном бурными событиями последних лет. В том вечере, когда он долго укладывал в вещмешок свои немудреные курсантские пожитки. Укладывать, в общем-то, было и нечего, но в комнату то и дело заходили друзья, чтобы «выкурить на прощанье» по сигарке, записать «на всякий случай» адресок и уже на пороге, щегольски взяв под козырек, сказать:

— Смотри ж, Костя, не забывай!

Оставшись один, Котов тогда еще раз прочитал предписание: «Выпускник Краснодарской военно-политической школы Котов К.Ф. направляется в распоряжение штаба 34-й дивизии. Рекомендуются на должность комиссара полка».

Завтра на рассвете поезд увезет его в Туапсе.

Но задолго до рассвета его разбудил вестовой. Котов не удивился — он привык к ночным побудкам: в то тревожное лето двадцатого года вдоль Кубани рыскали белогвардейские банды с самозванными полковниками и генералами.

— Куда? — спросил Котов, по привычке быстро застегивая шинель.

— Фурманов вызывает,— ответил вестовой.

Начальник политотдела IX Кубанской армии встретил Котова стоя:

— Где предписание?

— Что случилось, Дмитрий Андреевич?

— Давай сюда предписание,— Фурманов легонько хлопнул по столу и скупно улыбнулся: — Ишь ты, «Дмитрий Андреевич». Субординацию нарушаешь, комиссар. Ну-ну, шучу. Все же крестник мой...

Год назад под Ростовом Фурманов вручал Котову партбилет. Полгода назад он направил его в военную школу. А теперь...

Теперь он выдвинул ящик стола, достал листок:

— Вот тебе новое предписание. Пойдешь в особый отдел армии. Люди там нужны. Надежные люди, проверенные.

Проводив Котова до двери, взял осторожно за локоть:

— Ты уж извини, что с койки-то поднял.

Думал, уедешь. Не успею.

Так Константин Котов стал чекистом, а значит, и следователем, за плечами которого университет борьбы с контрреволюцией. Университет жестоких законов и суровых правил.

... — Вы кажется, невнимательны? — напомнил о себе Бек-Бекович.— Простите, я не в обиде — вековая трагедия русского интеллигента: говорить и не быть услышанным.

— Интеллигента? А с чем вы пожаловали в Баталпашинскую?

— Получая в советском представительстве паспорт на въезд, я уже объяснял: если разрешат, буду учительствовать, просвещать «племя младое, незнакомое».

— Доброе намерение...

Приоткрылась дверь. Дежурный по отделу просунул голову:

— Можно?

— Да!

Дверь захлопнулась, чтобы тотчас распахнуться. Мешковатого вида казак робко перешагнул порог. Котов опустил голову, старательно перебирая бумаги, лежащие перед ним, но Бек-Бекович и казак оставались в поле зрения.

Заметив «русского интеллигента», вошедший остолбенел, потом стремительно встал «во фронт» и выпалил, чеканя каждое

слово, словно на смотре:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

Бек-Бекович медленно, точно нехотя, обернулся:

— Путаешь что-то, братец.

— Никак нет, ваше превосходительство! — не отрывая руки от козырька фуражки, отвечал казак.

Котов усмехался. Усмехался и Бек-Бекович. Они смотрели друг на друга, точь-в-точь два товарища, решившие разыграть третьего и совершенно равнодушные к нему.

Да и третий, собственно, не знал, зачем его пригласили в ЧК. Стоял и, что называется, хлопал глазами.

А на столе перед Ивановым и Котовым лежало дело, первым листом в котором была шифрованная телеграмма из Ростова. В ней говорилось, что из Парижа заброшен генералом Гейманом, приближенным Врангеля, агент и что ожидать его следует скорее всего в Краснодаре.

Вторым листом было сообщение и поныне безымянного разведчика: на хуторах в районе станицы Усть-Джегутинской скрывается офицер, приехавший, если верить слухам, из-за границы. Вечерами он встречается с казачьей верхушкой. Расходятся после встреч затемно, поодиночке.

Родилось предположение: возможно, парижский «гость» и скрывающийся на хуторах — одно и то же лицо.

Новые страницы — новые сведения, фиксирующие, контролирующие каждый шаг, каждое слово неизвестного. Забежал как-то пригнавший на базар коровенку мужик и сказал, опасливо озираясь: «Видел в Усть-Джегутинской человека, похожего, ежели память не изменяет, на генерала Валуйского». В девятнадцатом году тот самый генерал взял его проводником в горы. К карачаевцам тогда генерал шел. Об этом и в газете писали. В «Вольном горце»...

С большим трудом разыскали чекисты газету, где сообщалось:

«Ввиду того, что карачаевцы вовремя не дали двух батальонов для добровольческой армии, к ним была направлена карательная экспедиция

(офицерский отряд). Этот отряд наложил на карачаевцев следующую контрибуцию:

3000 лошадей с седлами, 1000 штук рогатого скота и 15000000 деньгами — керенками и николаевскими. В результате карачаевцы забираются со своим скотом в самые глухие места, чтобы избавиться от военной службы и материального разорения».*

Валуйский — фигура заметная на Кубани. И без газет было известно о его карательных действиях. Появление генерала в Баталпашинском отделе не предвещало ничего хорошего: очевидно, теперь он собирает воедино контрреволюционно настроенных казаков. Цель такого сбора ясна.

Но как доказать, что арестованный Бек-Бекович — Валуйский? Как доказать, что отнюдь не для просвещения «племени младого» прибыл он сюда? Второе остается недоказуемым, пока оспоримо первое.

И чекисты пустились в поиски тех, кто лично видел генерала-карателя. Так состоялась встреча казака и Бек-Бековича. Но единственная встреча все-таки мало убедительна: казак мог и обознаться.

Вот почему вслед за ним в кабинет начальника ЧК зашел другой свидетель, и сцена очной ставки повторилась.

Бек-Бекович упорствовал:

— Да нет же, это заблуждение...

— Ваше превосходительство, а вы меня плеткой, плеткой-то по лицу... Ай запомнили?

Отпираться стало бесполезно. Следствие продолжалось. Выяснилось: Валуйский с поддельным паспортом на имя Бек-Бековича был заброшен через «окно» в польской границе. Незадолго до того он виделся с Врангелем и получил от барона задание создать на Кубани руководящий центр, цель которого — переворот на Северном Кавказе. Все директивы он должен получать от генерала Геймана, «знатока казачества».

Валуйскому предъявили обвинения, связанные с его карательными действиями на Северном Кавказе.

Последней страницей в деле Валуйского был приговор:

«Расстрелять...»

Приговор приведен в исполнение.

Еще далеко не все эпизоды борьбы чекистов с врагами революции известны. Еще не все безымянные герои обрели в народе имя. Но их беззаветное мужество, отвага и преданность стране Советов стали легендарными. А это — лучший памятник на века.

* «Вольный горец», №1, 8 сентября 1919г.

